

“Ты в порядке?” — Вэй Циншань похлопал Линь Юя по спине, пытаясь его успокоить. Он ясно видел, как Чжао Дачжи пытался схватить его мужа за руку.

На шум из кухни выбежала Цай Чуньхуа: “Ой, мой сынок!”

Она поспешила поднять Чжао Дачжи, а тот, держась за поясницу, застонал.

Цай Чуньхуа привыкла во всём винить Линь Юя, поэтому тут же ткнула в него пальцем и набросилась с упрёками: “Ты что тут устроил?! Вернулся домой и сразу начал смуту наводить!”

Увидев, что её сын пострадал, она тут же решила, что Линь Юй снова к нему клеится. Настоящий маленький проныра!

Вэй Циншань холодно фыркнул: “Тогда спросите его, что он только что делал!”

Но Чжао Дачжи и бровью не повёл: “А что я мог делать? Я просто увидел, что братец Юй несёт воду, и хотел помочь. А он вдруг взял и выплеснул мне воду в лицо! Братец Юй, скажи, ведь так всё и было?”

Чжао Дачжи был уверен, что Линь Юй не осмелится сказать правду. Пусть даже между ними ничего и не произошло, но если Вэй Циншань начнёт подозревать, хорошей жизни Линь Юю точно не видать.

Линь Юй задрожал, опустил голову и промолчал.

Чжао Дачжи ещё больше возгордился: “Видите? Я же говорил, что так и было! А вот ты, Вэй Циншань, набросился на меня с кулаками. Грубый неотёсанный мужлан, бесстыдник!”

Цай Чуньхуа тоже разразилась бранью: “Ты, гээр из хорошей семьи, вернулся и сразу мешаешь Дачжи учиться! Какие у тебя намерения?! Бесстыжий мальчишка!”

Чем дальше, тем отвратительнее становились их слова. Вэй Циншань мрачно сузил глаза и резко рявкнул: “Хватит!”

Оба замолчали, ошарашенные его внезапной вспышкой. Линь Юй всё так же стоял, опустив голову, сжимая кулаки. Он тихо произнёс: “Это Чжао Дачжи хотел взять меня за руку. Поэтому я его и облил”.

Видя, что Вэй Циншань тоже попал под брань из-за него, Линь Юй почувствовал себя ужасно. Он знал, насколько важна для гээра репутация, но Вэй Циншань относился к нему хорошо. Даже если однажды тот разлюбит его, Линь Юй не мог позволить, чтобы Вэй Циншань терпел такую несправедливость.

Цай Чуньхуа вспыхнула от ярости, услышав его слова: “Чушь собачья! Дачжи мог бы взглянуть на такого проныру, как ты?! Раньше, когда ты был дома, ты нарочно крутился перед своим кузенком, отвлекая его от учёбы. А теперь, как только вернулся, сразу же принялся его совращать! Ах ты, дрянь! Да ещё и смеешь клеветать!”

С каждым её словом лицо Линь Юя становилось всё бледнее. Он прикусил губу и по его щекам покатались слёзы.

“Н-нет, это не так...”

Он словно вновь вернулся в дни, когда его били и бранили в доме Чжао. Ему было так страшно, что он не смел поднять голову. Он боялся увидеть в глазах Вэй Циншаня отвращение.

Но Вэй Циншань только крепче прижал его к себе, утешая: “Я верю тебе. Не бойся”.

Видя, каким жалким выглядит Линь Юй, Чжао Дачжи почувствовал ещё большее удовлетворение. Этот ничтожный мальчишка посмел облить его холодной водой — да он, видно, жить устал!

Глаза Чжао Дачжи сверкнули, когда у него появилась новая идея. Если бы Линь Юй развёлся, ему пришлось бы вернуться в дом Чжао. С такой испорченной репутацией никто бы больше не взял его в супруги. Тогда он мог бы делать с ним всё, что захочет.

Подняв голову, Чжао Дачжи самодовольно заявил: “Эй, нищий охотник, знаешь, почему моя мать так поспешно выдала за тебя этого маленького проныру?”

“Брат, не надо!” — Чжао Юэнян вцепилась в его рукав и с мольбой посмотрела на него: “Пожалуйста, не говори!”

Линь Юй резко поднял голову, в его взгляде застыл страх. Он изо всех сил вцепился в рукав Вэй Циншаня: “Я... Я хочу домой”.

“Хорошо. Сейчас же идём”.

Вэй Циншань лишь из уважения к тому, что Чжао Чжунь был дядей Линь Юя, до сих пор не распустил кулаки. Если Линь Юй больше не захочет сюда приходить, то и не надо. С такими родственниками нет смысла поддерживать отношения. Он стиснул кулаки, подавляя гнев. Нельзя терять контроль, иначе он только напугает своего пугливого мужа.

“Эй, куда это вы собрались?” — Чжао Дачжи ухмыльнулся: “Скажу тебе, почему! Да потому что этот маленький проныра пытался соблазнить меня! Вот моя мать и поспешила от него избавиться! Ха-ха, а ты, нищий охотник, думал, что нашёл себе сокровище?”

Услышав эти слова, Линь Юй почувствовал, как ноги подкашиваются и чуть не упал. Только благодаря тому, что Вэй Циншань поддержал его за талию, он не рухнул на землю. Слезы Линь Юя одна за другой падали на одежду Вэй Циншаня. Он поднял голову и с отчаянием в глазах посмотрел на него: “Я не делал этого...”

“Я знаю. Подожди меня здесь немного и мы сразу же пойдём домой”.

Огонь ярости полыхал в груди Вэй Циншаня, он едва сдерживался. Сделав несколько шагов вперёд, он схватил Чжао Дачжи за ворот и, подняв его в воздух, с размаху отвесил ему несколько пощёчин.

“Посмотрим, осмелишься ли ты ещё болтать чушь!”

Удар у Вэй Циншаня был что надо. С каждой пощёчиной изо рта Чжао Дачжи вылетала кровь, а вместе с ней и два зуба. Вскоре его крики разнеслись по всему двору, никакого достоинства учёного в нём уже не осталось.

Чжао Чжунь и Цай Чуньхуа, увидев, как избивают их драгоценного сына, бросились с кулаками на Вэй Циншаня: “Отпусти моего сына!”

Но Вэй Циншань одной рукой разметал их в стороны, после чего сгрёб Чжао Дачжи за шиворот и окунул его головой в бочку с водой. Парень, захлёбываясь, барахтался в воде, как мокрый цыплёнок, даже не пытаясь сопротивляться.

Цай Чуньхуа подползла, чтобы снова наброситься, но Вэй Циншань отбросил её пинком. Эта старуха тоже была не из простых — она ведь так сильно избивала Линь Юя, что его тело всё ещё носило следы побоев, а кроме того, заставила его жить в сарае!

Линь Юй испугался, что Вэй Циншань может переусердствовать, и поспешил его остановить: “Циншань, Циншань... Я хочу домой, давай пойдём домой”.

Вэй Циншань бросил Чжао Дачжи в бочку и повернулся. Чжао Чжунь тут же втянул голову в плечи и спрятался за деревом, не осмеливаясь даже пикнуть.

Всё семейство Чжао выглядело жалко: Чжао Дачжи захлёбывался в воде, Цай Чуньхуа сидела на земле, держась за грудь и причитая, а Чжао Чжунь трусливо ютился за деревом. Только Чжао Юэнян осталась чистой и невредимой.

Соседи, жившие по соседству, заглядывали во двор, пытаясь разглядеть, что там происходит. Госпожа Ли, увидев побитых Чжао, прыснула со смеху.

“Так им и надо! Всё время задирали нос, ну а теперь наконец получили по заслугам!”

“Подожди меня здесь, я заберу вещи и мы уйдём”.

Вэй Циншань отправился в гостиную, взял с собой принесённые фрукты, затем заглянул на кухню и прихватил оттуда мясо.

Цай Чуньхуа, увидев, что он уносит и фрукты, и мясо, взвизгнула: “Положи на место! Положи, я сказала!”

Вэй Циншань уже собирался уходить, но вдруг услышал крик фазанов во дворе. Он обернулся и, как и ожидал, увидел двух фазанов, которых привёз в день свадьбы. Не раздумывая, он забрал и фазанов вместе с клеткой.

Цай Чуньхуа, увидев, что пропали ещё и фазаны, поползла к нему, пытаясь вырвать клетку: “Верни мне! Верни!”

“Гээр Юй, пойдём”.

Линь Юй, молча, последовал за Вэй Циншанем. В этот момент Чжао Юэнян выбежала вперёд и окликнула их: “Подождите!”

Набравшись смелости, она посмотрела на Вэй Циншаня: “Мой... мой брат соврал. Брат Юй каждый день работал вместе со мной”.

Вэй Циншань кивнул: “Я знаю”.

Он взял Линь Юя за руку, и они вышли за ворота. Цай Чуньхуа, корчась на земле, не смогла их догнать, от бессилия она ударила кулаком по земле и закричала: “Грабитель! Верни мне фазанов! Верни мне мясо!”

На этот раз её истерика была даже сильнее, чем когда избili Чжао Дачжи. От злости у неё потемнело в глазах и она упала в обморок.

Толпа соседей, наблюдавших за происходящим, при виде Вэй Циншаня поспешно разбежалась. Осталась только госпожа Ли, которая окликнула Линь Юя: “Гээр Юй, ты в порядке?”

Линь Юй молча покачал головой. Госпожа Ли, посочувствовав, обратилась к Вэй Циншаню: “Послушай, твой фулан — честный человек, не верь глупостям, которые несёт Цай Чуньхуа”.

Она заметила, что лицо Вэй Циншаня остаётся холодным, и испугалась, что он затаил сомнения и дома может обидеть Линь Юя, поэтому поспешила сказать несколько слов в его защиту.

Вэй Циншань снова кивнул: “Он мой фулан, конечно, я верю ему”.

“Ну, вот и хорошо, вот и хорошо...”

Они пошли по горной тропе. Линь Юй, опустив голову, безмолвно следовал за Вэй Циншанем. Он уже приготовился к худшему: если Вэй Циншань ему не поверит, он уйдёт.

Мысли беспорядочно метались в голове и он не заметил, как врезался в спину Вэй Циншаня.

Тот остановился и сказал: “Подними голову, смотри куда идёшь”.

Линь Юй послушно поднял голову. Увидев, что лицо его маленького супруга всё в слезах, Вэй Циншань сжалился: “Пойдем, вернемся и снова побьем этого Чжао Дачжи!”

Сказав это, он уже собрался повернуть назад. Они ведь недалеко ушли! Раз кто-то посмел обидеть его мужа, значит, нужно еще раз проучить этого негодяя, чтобы его маленькому супругу стало легче!

Линь Юй вцепился в рукав Вэй Циншаня, его голос дрожал: “Почему... почему ты даже не спросишь меня?”

Вэй Циншань чувствовал, как у него сжимается сердце от жалости. В одной руке он держал клетку с фазанами, в другой мясо и фрукты, но сейчас ему было не до них. Он поставил всё на землю и обнял своего худенького фулана: “Я верю тебе”.

Вэй Циншань знал, что Линь Юй жил нелегко. Он был чувствительным и ранимым, и сейчас, скорее всего, не сможет сразу поверить в его слова.

Линь Юй обеими руками вцепился в его одежду, уткнулся в грудь и разрыдался: “Я... я не бегал за Чжао Дачжи весь день, не пытался его соблазнить... В тот день он позвал меня к себе в комнату, чтобы я подлил ему горячей воды, а потом схватил меня за одежду и хотел... хотел...”

Вэй Циншань почувствовал, как у него сжалось сердце. Он мягко поглаживал Линь Юя по спине и шептал:

“Не плачь, не плачь. Я знаю, знаю... По глазам Чжао Дачжи сразу видно, что он извращенец. Я лишь жалею, что не встретил тебя раньше и позволил тебе страдать”.

Линь Юй продолжал всхлипывать: “Цай Чуньхуа... она побила меня... сказала, что я пытался соблазнить Чжао Дачжи... и что я жадный... жадный до денег... поэтому она поспешно выдала меня замуж...”

Он так сильно плакал, что всё тело содрогалось. Линь Юй прижимался к Вэй Циншаню, не смея поднять голову. Он даже толком не расслышал его слова, боясь, что тот презирает его за это.

Вэй Циншань не был человеком, способным на красивые речи. Он просто крепко обнял своего фулана, продолжая успокаивающе похлопывать по спине: “Я верю тебе. Верю”.

Но Линь Юй, похоже, не слышал его. Он опустил голову и плакал навзрыд. Вэй Циншань чувствовал, как горячие слезы пропитывают его одежду.

Он начал беспокоиться. Так сильно плакать вредно для здоровья.

Вэй Циншань приподнял лицо своего фулана за подбородок и строго сказал: “Линь Юй, послушай меня”.

Но, глядя на него, он только еще больше пожалел его.

Глаза Линь Юя распухли от слёз, а веки покраснели. Несколько прядей волос прилипли к его щекам, а слёзы, словно паводковая вода, капали на руку Вэй Циншаня.

Он вдруг подумал, что, наверное, был слишком мягок. Надо было отдубасить этих троих прутом — тогда, может, на душе стало бы легче.

<http://bllate.org/book/15725/1407291>